

DOI: 10.31312/2310-6085-2018-13-4-97-110

УДК 172.3; 261.6; 261.7

РЕЛИГИЯ И НАУКА: КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ? (ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ)

Г. Е. Боков

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург 199034,
Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена изучению мировоззренческих и социальных противоречий, существующих в российском обществе, на примере двух различных позиций по вопросу об отношениях религии и науки. Согласно одной из таких позиций, они определяются как конфликтные. Вторая, противоположная точка зрения, гласит, что между религией и наукой конфликта никогда не было, и не может быть. В представленной публикации такие взгляды названы «парадигмой конфликта» и «парадигмой диалога». В ней демонстрируется, что первая «парадигма» в советский период была обусловлена идеологизацией науки и являлась важнейшей частью антирелигиозной пропаганды. «Парадигма диалога», напротив, всегда была представлена, прежде всего, религиозными мыслителями. Сегодня она является официальной позицией Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В официальном церковном документе «Основы социальной концепции» говорится, что религия и наука призваны дополнять друг друга, особенно при решении этических проблем, неизбежно возникающих перед современной наукой. Однако светские ученые часто видят в таких заявлениях притязания Церкви на активное участие в общественной жизни, в том числе и в образовательном процессе. Представители академического сообщества часто высказываются против введения теологических образовательных программ и теологических отделений в светских ВУЗах Российской Федерации. Таким образом, в современном российском обществе одни продолжают считать, что между религией и наукой существует конфликт, другие настаивают на необходимости диалога.

Ключевые слова: религия, наука, образование, мировоззрение, Русская Православная Церковь, богословие, атеизм, конфликт, светская культура.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 16-33-01186 «Религия, наука и образование в современной России».

Статья поступила в редакцию 9.11.2018; принята к публикации 10.12.2018.

**RELIGION AND SCIENCE: CONFLICT OR DIALOGUE?
(STUDY OF WORLDVIEWS AND SOCIAL CONTRADICTIONS
IN RUSSIAN SOCIETY)**

G. E. Bokov

St. Petersburg State University (SPbU), Mendeleevskaya Line, 5, St. Petersburg 199034,
Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the study of the worldviews and social contradictions in Russian society on the example of two different positions on the relationship between religion and science. According to one of these positions these relationships are defined as conflict. The second, opposing point of view says there never was and there cannot be any conflict between religion and science. In the publication such points are called “the paradigm of conflict” and “the paradigm of dialogue”. It shows, the first “paradigm” in the Soviet period of Russian history was determined by ideologization of science and was an important part of anti-religious propaganda. On the contrary, “the paradigm of dialogue” has always been represented primarily by religious thinkers. Today it is the official position of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. The official Church document “The Basis of the Social Concept” says religion and science are designed to complement each other, especially in solving ethical problems that inevitably arise in the face of modern science. However, secular scientists often see in such statements the Church’s claims to active participation in the public life, including the educational process. Representatives of the academic community often speak out against the introduction of the theological educational programs and the theological departments in secular Universities of the Russian Federation. Thus, in contemporary Russian society some continue to believe that there is a conflict between religion and science, while others insist on the need for dialogue.

Keywords: religion, science, education, world view, the Russian Orthodox Church, theology, atheism, conflict, secular culture.

Acknowledgment: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Sciences) No. 16-33-01186 “Religion, Science and Education in the Russian Federation nowadays”.

Received November 9, 2018; in final form, December 10, 2018.

Взаимоотношения религии и науки — одна из самых обсуждаемых проблем в международных академических и общественных дискуссиях второй половины XX — начала XXI в. Её острота и полемичность обусловлена существованием как минимум двух противоположных позиций, которые иллюстрируют мировоззренческие противоречия в любом обществе. Согласно одной из них, между религией и наукой на протяжении истории существует

непреодолимый конфликт за право формировать картину мира. Наиболее ярко она представлена в философии позитивизма, в тоже время в отечественной истории такое противопоставление явилось важнейшей частью советской идеологической антирелигиозной пропаганды. Вторая, противоположная точка зрения, чаще всего выражена религиозными мыслителями. В официальном документе «Основы социальной концепции» Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП), принятом в 2000 г., сказано, что религия и наука «могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать» [1]. Там утверждается, что эти сферы призваны дополнять друг друга, тогда как конфликта между ними никогда не было, и не может быть.

Обозначенные выше позиции не являются исключительно частными точками зрения. В действительности, они определяют многие явления социально-политического характера, в том числе и в современном российском обществе. Например, согласно РПЦ МП диалог между религией и наукой крайне необходим для решения различных фундаментальных проблем современности. С этим связано и понимание теологии (богословия) в качестве академической науки, недавно включенной в перечень специальностей ВАК, и введение в светских высших учебных заведениях теологических отделений и соответствующих дисциплин. Подобные процессы, однако, приводят к критическим высказываниям и недовольству в светской академической среде.

Многие представители научной общественности выступают категорически против какого-либо вмешательства Церкви в сферу науки и светского образования. Еще в 2007 г., в открытом письме президенту Российской Федерации «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?», авторами которого были десять академиков, членов Российской Академии Наук, подчеркивалось, что «наука и религия должны избегать друг друга» и «никакой альтернативы» научному знанию «не существует» [2]. Таким образом, представляется перспективным анализ различных позиций по вопросу об отношениях религии и науки, иллюстрирующих мировоззренческие и социальные противоречия в российском обществе, что может быть актуально равным образом и для религиоведения, и для конфликтологии.

Прежде всего, поскольку речь идет о таких позициях, которые для больших социальных групп являются безусловно истинными, следует найти соответствующее понятие для их обозначения. Представляется, что таковым может стать понятие «парадигма», предложенное известным американским философом науки Т. Куном (1922–1996) в работе «Структура научных революций» (1962). Однако следует иметь в виду, что сегодня оно употребляется,

по крайней мере, в двух значениях. Если пользоваться терминологией выдающегося лингвиста Ф. де Соссюра (1857–1913), то при разговоре об отношениях между религией и наукой речь может идти как о диахронном, так и синхронном «парадигмальных» измерениях.

Первое значение понятия «парадигма» было определено самим Т. Куном. Он писал, что подразумевает под ним «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [3, с. 17]. Предложенная Куном концепция «смены парадигм» как нельзя лучше иллюстрирует происходящие в истории науки фундаментальные смены картин мира. Научная картина мира — это система представлений о свойствах и закономерностях реальной действительности, построенная в результате обобщения и синтеза научных понятий и принципов. Однако это всегда именно модель, «в науке модели создаются путем отвлечения от общей картины явления тех его свойств, которые считаются наиболее важными для его происхождения», «назначение модели — частичное объяснение, а не детальное описание» [4, с. 31].

Кроме того, речь может идти и о пересмотре фундаментальных оснований, на которых стоит такая модель мироздания, включая не только научные, но и культурные факторы. Выдающийся отечественный специалист в области философии науки, академик В. С. Степин (род. в 1934 г.), в свое время предложивший называть современную научную парадигму «постнеклассическим типом научной рациональности», отмечает, что сегодня, «для выхода из глобальных кризисов придется пересматривать прежнюю систему ценностей и мировоззренческих установок, на которых базируется прогресс современной техногенной цивилизации» [5, с. 17]. Впрочем, такой коренной пересмотр был начат более пятидесяти лет назад, и уже происходил, когда Т. Кун писал о «смене парадигм».

Таким образом, на протяжении истории научные модели, или картины мира, подвергаются радикальному пересмотру. Кун отмечал, что научная парадигма как совокупность отдельных теорий, образующая метатеорию, утверждается в ходе «научных революций». В частности, появление современных научных знаний о микро- и макромире в свое время привело к пересмотру многих теоретических положений и исследовательских установок «классического механицизма» (ньютоновско-картезианская картина мира). С появлением квантовой механики под вопрос были поставлены даже такие понятия как «объективность» и «материя», а также многие представления, долгое время казавшиеся незыблемыми научными истинами.

В еще большей степени от обобщений страдает религия. Выдающийся историк и феноменолог религии М. Элиаде (1907–1986) неоднократно подчеркивал, что с помощью понятия «религия» достаточно сложно выразить всю глубину и многообразие проявлений сакрального [6, с. 15]. Особенно, говорил он, это важно, когда речь идет о чем-то ином, чем привычная западному человеку христианская картина мира, однако и она в значительной степени меняется на протяжении истории. В этом смысле обращает на себя внимание подход известного современного католического теолога, впрочем, осужденного католической Церковью за свои либеральные взгляды, Г. Кюнга (род. в 1928 г.). В работе «Великие христианские мыслители», а также в ряде других своих трудов, он применил теорию парадигм Т. Куна к истории христианской мысли.

Кюнг писал, что его предмет — «теология в свершении, теология в жизненном плане, теология в зеркале парадигмальных образов истории христианства — великих христианских мыслителей, которые показательны для целой эпохи» [7, с. 23]. Речь шла о том, что для каждого периода в истории христианства характерным является определенный, доминирующий в этот исторический отрезок, тип богословия, определяющий «богословскую парадигму» и соответствующую этому картину мира. При этом «прежние» парадигмы в богословии не отбрасываются, а продолжают сосуществовать с новыми, как это произошло, например, после появления протестантизма. Эпоха Реформации, безусловно, может быть охарактеризована как период «смены парадигм» в мировоззренческом, теологическом, а также социально-политическом и культурном плане, однако уже сложившиеся на христианском Востоке и Западе богословские традиции продолжают существовать до сих пор.

Известный американский ученый, философ и авторитетный специалист в области взаимоотношений религии и науки, И. Барбур (1923–2013) обращается к теориям парадигм в науке (Т. Кун) и богословии (Г. Кюнг) для того, чтобы решить вопрос о характере их отношений. В своей знаменитой работе «Религия и наука: история и современность» он демонстрирует, что современное христианское богословие существенно отличается от «классического теизма» Средневековья и Реформации и может быть весьма близко к тому пониманию мироздания, которое характерно для современной науки, также существенно изменившейся со времен Декарта и Ньютона.

Однако Барбур рассматривает отношения религии и науки не только в различные исторические периоды (диахрония). Как и другой известный специалист в этой области, британский физик-теоретик и влиятельный англиканский теолог, Дж. Полкинхорн (род. в 1930 г.), Барбур говорит об устойчивых

«моделях» этих отношений, которые берутся, как бы мы сказали, в синхронном срезе (синхрония). Он цитирует слова Т. Куна о том, что «научные теории и данные зависят от соответствующих парадигм, господствующих среди ученых» [8, с. 112], и отмечает, что различные «способы соотношения» (у Полкинхорна — «виды взаимодействия») религии и науки зависят от господствующих в том или ином сообществе методологических установок. Барбур и Полкинхорн выделяют четыре таких «модели» отношений: конфликт, независимость, диалог и интеграция [8, с. 91–127; 4, с. 29–33]. В данном исследовании имеет смысл свести их к двум — с одной стороны, будет «парадигма конфликта», с другой, три прочие, отрицающие существование конфликта, отличия между которыми не столь существенны для решения наших задач.

Под «парадигмой конфликта» И. Барбур понимает крайности «научного материализма» (а Полкинхорн — сциентизма) и библейского буквализма, которые, по его словам, предлагая выбирать между религией и наукой, «злоупотребляют наукой одинаково». «Научный материализм, исходя из научных представлений, пытается затем делать широкие философские обобщения. Библейский буквализм исходит из богословских представлений, но стремится делать выводы о научных вопросах» [8, с. 92].

«Парадигма независимости», отмечает Дж. Полкинхорн, предполагает, что «наука и богословие — совершенно самостоятельные области познания. Каждая из этих дисциплин свободна в выборе сферы поиска без оглядки на другую и без препятствий с ее стороны» [4, с. 30]. Модели «диалога» и «интеграции», как их называет И. Барбур (в терминологии Полкинхорна — «гармонии» и «ассимиляции»), наиболее близки многим современным теологам [4, с. 30–31]. Под «парадигмой диалога», которую мы выделим особо, ими понимается «признание того, что науке и богословию есть что сказать друг другу по поводу тех явлений, в области которых их интересы пересекаются. Очевидные примеры такого обоюдного интереса — история вселенной, зарождение жизни, природа человека и отношения между сознанием и мозгом» [4, с. 30]. Наконец, говоря о модели «интеграции» религии и науки, Барбур выделяет естественное богословие («существование Бога можно вывести из доказательств существования замысла природы, которые наука сделала еще более убедительными»), богословие природы и богословие процесса, в своих предпочтениях склоняясь к последнему [8, с. 110–127].

Теперь попробуем посмотреть в «парадигмальном ключе» на проблему восприятия отношений религии и науки в России. Следует еще раз подчеркнуть, что в данной работе речь идет не о том, как складывались отношения между религией и наукой на протяжении истории, а именно о парадигмах

восприятия, являющихся иллюстрацией мировоззренческого, или идеологического конфликта.

В советской антирелигиозной, в особенности, пропагандистской литературе под наукой понимается истинное знание об окружающем мире и обществе, при этом таковым (т. е. «истинной наукой») объявляется, прежде всего, не естествознание как таковое, а марксистская диалектико-материалистическая философия. Под религией, в свою очередь, понимается фантазия, суеверие, мракобесие и «убежище» эксплуататоров трудового народа, т.е. все, что угодно, кроме, собственно, религии. Таким образом, речь идет об идеологических подтасовках, которые лучше всего прочитываются при обращении к антирелигиозной литературе конца 1930-х — начала 1950-х гг. Во всех работах этого периода, где говорится о религии и науке, приводятся две очень показательные идеологемы Сталина от 1937 г. Одна из них о том, что партия «ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке». Другая — знаменитые слова Сталина: «наука не признает фетишей, не боится поднять руку на отжившее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики». В этом смысле, в литературе той эпохи говорится, что «мешая разобраться в явлениях природы и общества, религия — враг науки — держала народные массы в темноте и невежестве, боролась с передовым научным знанием» [9, с. 7], утверждается, что «религия и истинная наука несовместимы» [10, с. 80].

В работах советского периода о религии и науке слова «конфликт» и «борьба» часто присутствует в названиях книг, глав и параграфов, статей и брошюр. В изданной в 1939 г. книге М. И. Шахновича «Русская церковь в борьбе с наукой» сказано: «изучение этой борьбы показывает, что православию, как и всякая религия, душило развитие науки, тормозило просвещение масс и было одним из виновников культурной отсталости царской России» [9, с. 28]. С большевистской революцией связывался научный и социальный прогресс, распространение истинного знания о природе и обществе, и тезис: «наука вытесняет религию». Как известно, сопровождалась безграничная вера в торжество справедливости сталинскими репрессиями.

В антирелигиозной литературе 1960-х — 1980-х гг. идеологема «религия — враг науки» (следовательно, партия — друг науки) оставалась неизменной с той только разницей, что высказывания Сталина уже никто не приводил, тогда как цитат из сочинений классиков марксизма-ленинизма стало существенно больше. Появились крайне многочисленные ссылки, в частности, на сочинение Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические

заметки об одной реакционной философии», пожалуй, самое глупейшее произведение в истории философской мысли. Отмечалось, что в нем уже была дана «беспощадная критика не только махизма (эмпириокритицизма), но и всех проявлений идеализма (субъективного и объективного), метафизики, эклектики, агностицизма, религиозных исканий и фидеизма, “научной поповщины”» [11, с. 13]. В этот период значительно усилилась тема «идеологической борьбы», и если прежде это касалась «кулаков и буржуев», ютящихся в «церковном корабле», то после Великой Отечественной войны этот тезис относился уже к капиталистическому обществу, приспешником которого объявлялась христианская церковь. При этом отмечалось, что если «научные истины» в прошлом служители и защитники религии «просто отвергали», то теперь, когда наука достигла больших успехов, «в борьбе против научного мировоззрения» богословы «вынуждены перестраивать и модернизировать не только свою аргументацию, но и само содержание своих мировоззренческих построений» [12, с. 5, 3]. В советской литературе стали уделять внимание эволюции религии в современном мире, подразумевая, что теологические трансформации есть лишь способ «приспособиться» к научно-техническому прогрессу современного общества [13; 14].

Таким образом, тема просвещения «народных масс» на протяжении всей советской истории была связана с педалированием конфликта или борьбы с религией от имени «науки», ставшей идеологическим штампом. В работах, посвященных естествознанию и религии, хотя иногда и признавалось, что многие ученые были верующими людьми, тем не менее, утверждалось, что «история науки — это история борьбы за правильное понимание и преобразование мира», борьбы, которая ведется с религией, являющейся главным и постоянным препятствием на пути научного прогресса [15, с. 3; 16; 17]. Декларировалась борьба с фидеизмом [18; 19], критика «теологизации» или «мистификации» науки [20; 21]. В антирелигиозных изданиях речь шла о научной картине мира [22] и научном мировоззрении [23], которое, как утверждалось, может быть только атеистическим [24]. В них говорилось, что «атеизм базируется на материалистической науке, являющейся величайшей гордостью человечества, детищем свободного разума» [25, с. 5], и критиковались любые попытки примирить веру и знание, которые предпринимались «буржуазными» философами и богословами [26].

Совершенно противоположный взгляд на проблему отношений религии и науки, соответственно, можно обнаружить у религиозных авторов, философов и богословов. Некоторые православные мыслители размышляли над этим вопросом задолго до большевистской диктатуры, хотя очевидно, что

и критики богословия из лагеря революционных демократов хорошо постарались, подготовив почву для русского марксизма своими разговорами о конфликте науки и религии. Среди сочинений, написанных на эту тему в начале XX в., обращает на себя особое внимание работа протоиерея Павла Светлова (1961–1941) «Наука и религия» (СПб., 1912). Поставив перед собой задачу показать, что религия вообще, и христианская религия в частности, «наукою не опровергались и никогда не могут опровергаться» [27, с. 167–168], автор замечает, что неверующие теперь «с презрением отвергают» все, что «дается верующею мыслью», и «верят только в разум, теперь олицетворяемый для них наукою, верят слепо, фанатически, делая из уважения к науке какой-то религиозный культ с превращением науки в фетиш и с бессмысленным поклоном ему» [27, с. 3]. Протоиерей П.Я. Светлов писал, что «враждебна вере не наука, а плохая философия, ложно прикрывающаяся именем науки. Этим грешат более всех материализм и позитивизм» [27, с. 168].

О религии и науке размышлял православный философ Семён Людвигович Франк (1877–1950) уже будучи изгнанным из России после утверждения советской власти. Находясь в вынужденной эмиграции, он писал, что все разговоры об отсутствии согласия между наукой и религией «есть одновременно плод и чудовищного невежества, и жалкого недомыслия» [28]. Франк утверждал, что «религия и наука не противоречат и не могут противоречить одна другой по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах, противоречие же возможно только там, где два противоположных утверждения высказываются об одном и том же предмете» [28]. Он обосновывал, что «наука изучает мир и явления, в нем происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу» [28]. Подобным образом высказывался и протоиерей Александр Мень (1935–1990). Он писал, что «наука изучает видимый мир. Объектом ее исследования является материальная Вселенная. Религия же есть духовное устремление к миру сверхчувственному, который не может быть постигнут чисто научными методами» [29, с. 177].

В «Основах социальной концепции» РПЦ МП также идет речь о том, что «научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посыпки, разные цели, задачи, методы» [1]. Отмечается, что «в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные» [1]. В официальном церковном документе говорится, что противопоставление религии и науки явилось результатом веры во «всемогушество научного знания». РПЦ осуждает такую позицию и называет ее «ложным принципом» и «опасным заблуждением», при

этом признается, что значительное число людей до сих пор разделяют такого рода веру [1].

Действительно, в современном российском обществе можно найти тех, кто призывы Церкви к диалогу с наукой для совместного решения остро стоящих сегодня этических проблем воспринимает как клерикальные притязания на активное участие в общественной жизни, в том числе и в образовательном процессе. Представители академического сообщества часто высказываются против введения теологических образовательных программ и теологических отделений в светских ВУЗах Российской Федерации. Академики-авторы уже цитировавшегося открытого письма, обосновывали, что теология — это «совокупность религиозных догм» и поэтому она не может причисляться к научным дисциплинам [2]. Там же говорилось о том, что «все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет» [2].

Один из авторов этого письма, лауреат нобелевской премии по физике, академик В. Л. Гинзбург (1916–2009), в пост-перестроечной России был хорошо известен своими антирелигиозными публичными выступлениями и публикациями. В этом статусе он говорил от себя лично, высказывал собственную мировоззренческую позицию, хотя и связывал ее с занятиями наукой. Парадоксально, но в некоторых своих репликах он буквально повторял советскую идеологему о том, что поскольку содержанием и целью науки является всестороннее изучение природы, именно атеисты, которые «считают существующей лишь природу», и должны только заниматься естествознанием. Получается, что Гинзбург полагал, можно пускать или не пускать кого-то в науку исходя из мировоззренческой позиции. С другой стороны, он признавал, что были и есть верующие физики и астрономы. Однако, отмечал Гинзбург, они «в своих научных работах ни словом не упоминают о Боге». Он пишет, что «занимаясь конкретной научной деятельностью, верующий, по сути дела, забывает о Боге, поступает так же, как атеист. Таким образом, совместимость занятий наукой с верой в Бога отнюдь не тождественна с совместимостью веры в Бога с научным мышлением» [30], однако такая реплика не доказывала и того, что с «наилучшим мышлением» совместим именно атеизм.

Академик Гинзбург не просто отстаивал идеологему «религия — враг науки», появившуюся, конечно, не в советский период, а значительно раньше, в эпоху Просвещения. Он отмечал, что политика большевизма дискредитировала атеизм, «который по своей сущности не имеет ничего общего с насильем» [30]. В противоположность этому, писал Гинзбург, во все времена христианская Церковь осуждала научное знание. По его словам, «как-то связывать,

а тем более отождествлять атеистов с “воинствующими безбожниками” просто абсурдно. Для этого не больше оснований, чем отождествлять верующих христиан с инквизицией или всех исповедующих ислам с исламскими фундаменталистами и гнусными террористами» [31]. Гинзбург полагал, что «признание полной свободы совести, уважение к правам верующих — естественное поведение любого цивилизованного человека. Атеисты в этом отношении не составляют никакого исключения» [31].

Противоположным примером восприятия отношений между религией и наукой, а именно — примером налаживания сотрудничества между ними, является «Научно-богословский центр междисциплинарных исследований» при Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), который возглавляет протоиерей Кирилл Копейкин. На этой площадке проходят регулярные циклы лекций, конференции и семинары, посвященные истории и современному состоянию отношений науки и религии, открытые для участия в них сотрудникам Университета и студентам вне зависимости от вероисповедания или мировоззренческой позиции. Интересно, что протоиерей Кирилл Копейкин по первой специализации является кандидатом физико-математических наук, а уже затем — кандидатом теологии и доцентом Санкт-Петербургской духовной академии. Он выступает с оригинальной богословской концепцией «новой онтологии» и пишет, что сегодня востребована «идея универсальности знания», то есть синтез естественнонаучного, гуманитарного и богословского опыта. По словам отца Кирилла, в результате происходящих революций в науке возникает новая парадигма, при которой выстраивается новое, «более целостное видение мира, человека и Бога — в перспективе времени и в перспективе вечности» [32].

О формировании «новой мировоззренческой парадигмы» и пересмотре идеалов научной рациональности на протяжении уже более пятидесяти лет говорят многие ученые и философы по всему миру. Весьма показательны в этой связи слова философа, члена-корреспондента Ин-та философии РАН И. Т. Кавина, который пишет, что потребность в «новом мировоззрении» приводит к тому, что «наука и религия, знание и вера, логика и риторика, теории и метафоры, факты и фантазии могут успешно взаимодействовать и образовывать единые концептуальные системы» [33, с. 6]. Подлинный парадокс современности заключается в том, что именно наука, которая в классической механистической новоевропейской парадигме так настойчиво противопоставлялась религии, сегодня, в отдельных случаях, способствует развитию религиозной мысли.

Однако, следует заметить, что в христианском мире есть и непримиримые критики науки и техники, готовые видеть в этих явлениях исключительно

прямую угрозу человеческой личности и человеческому сообществу. В этом смысле, «парадигму конфликта», действительно, представляют не только непримиримо настроенные к религии материалисты, но и не менее непримиримые к миру религиозные фундаменталисты. Так возможен, и, главное, нужен ли, сегодня диалог между религией и наукой, о котором столь настойчиво говорит РПЦ, как и любая другая традиционная религиозная структура, подчеркивая важность совместного решения фундаментальных проблем? Представляется, что чем более настойчивым будет требование этого диалога в российском обществе, тем более жестко будет высказываться мнение о неразрешимом конфликте религии и науки.

Список литературы / References

- [1] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIV. Светские наука, культура, образование [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. XIV. Secular science, culture and education], URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (30.11.2018). (In Russ.)
- [2] Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? Открытое письмо президенту Российской Федерации В. В. Путину [The Open Letter to the President of the Russian Federation from Ten Academicians the Members of the Russian Academy of Sciences], URL: http://sceptsis.net/library/id_1346.html (30.11.2018). (In Russ.)
- [3] Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
Kuhn, T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, 2003. (In Russ.)
- [4] Полкинхорн Дж. Наука и богословие: введение. М.: Изд-во ББИ, 2004. Polkinghorne, J. *Science and Theology: An Introduction*, Moscow, 2004. (In Russ.)
- [5] Стёпин В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон +; Реабилитация, 2006. С. 11–25.
Stepin, V.S. Science, religion and modern problems of the cultural dialogue, in Kasavin, I.T. (ed.) *Science & Religion. An interdisciplinary and cross-cultural approach*, Moscow, 2006: 11–25. (In Russ.)
- [6] Элиаде М. Ностальгия по истокам. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006.
Eliade, M. *Nostalgia for the Origins*, Moscow, 2006. (In Russ.)
- [7] Кюнг Г. Великие христианские мыслители. СПб.: Алетейя, 2000.
Kung, H. *Great Christian Thinkers*, St. Petersburg, 2000. (In Russ.)
- [8] Барбур И. Религия и наука: история и современность. 2-е изд. М.: Изд-во ББИ, 2001.
Barbour, I.G. *Religion and Science: History and Contemporary Issues*. 2nd ed. Moscow, 2001. (In Russ.)

- [9] Шахнович М.И. Русская церковь в борьбе с наукой. Л.: Газетно-журнальное и книжное изд-во Ленинградского совета РК и КД, 1939.
Shakhnovich, M.I. *The Russian Church in the fight against science*, Leningrad, 1939. (In Russ.)
- [10] Шахнович М.И. Религия в борьбе с современной наукой. Л.: Огиз Прибой, 1931.
Shakhnovich, M.I. *Religion in the fight against contemporary science*, Leningrad, 1931. (In Russ.)
- [11] Никишов С.И. Несовместимость научного мировоззрения с религией (К 70-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Знание, 1978.
Nikishov, S.I. *Incompatibility of scientific worldview with Religion*, Moscow, 1978. (In Russ.)
- [12] Крывелев И.А. Современное богословие и наука. М.: Политиздат, 1959.
Kryvelev, I.A. *Modern theology and science*, Moscow, 1959. (In Russ.)
- [13] Бабосов Е.М. Научно-технический прогресс и религия. М.: Знание, 1973. Babosov, E.M. *Scientific-technical progress and Religion*, Moscow, 1973. (In Russ.)
- [14] Религия в век научно-технической революции. М.: Политиздат, 1979.
Religion in the age of scientific-technological revolution, Moscow, 1979. (In Russ.)
- [15] Сухов А.Д. Естествоиспытатели и религия. М.: Наука, 1975.
Sukhov, A.D. *Naturalists and Religion*, Moscow, 1975. (In Russ.)
- [16] Сухов А.Д. Естественнонаучный атеизм. М.: Знание, 1969.
Sukhov, A.D. *Natural science atheism*, Moscow, 1969. (In Russ.)
- [17] Скибицкий М.М. Современное естествознание и религия. М.: Знание, 1980.
Skibitsky, M.M. *Modern natural science and Religion*, Moscow, 1980. (In Russ.)
- [18] Григоренко А.Ю. Фидеизм и наука (Критика теологизации происхождения науки). М.: Знание, 1983.
Grigorenko, A.Y. *Fideism and science*, Moscow, 1983. (In Russ.)
- [19] Гараджа В.И. В. И. Ленин и критика современного фидеизма. М.: Знание, 1970.
Garadzha, V.I. *V. I. Lenin and criticism of contemporary fideism*, Moscow, 1970. (In Russ.)
- [20] Шахнович М.И. Кибернетика и атеизм. (Что дает кибернетика для критики религии?). Л.: Знание, 1966.
Shakhnovich, M.I. *Cybernetics and atheism*, Leningrad, 1966. (In Russ.)
- [21] Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. М.; Л.: Наука, 1965.
Shakhnovich, M.I. *Contemporary mysticism in the light of science*, Moscow, Leningrad, 1965. (In Russ.)
- [22] Платонов Г.В. Картина мира, мировоззрение и идеология. М.: Знание, 1972.
Platonov, G.V. *Picture of the world, worldview and ideology*, Moscow, 1972. (In Russ.)
- [23] Кирхгоф Р. Научное мировоззрение и религиозная вера. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
Kirhgof, R. *Scientific worldview and Religious faith*, Moscow, 1961. (In Russ.)
- [24] Атеизм и современное естествознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
Atheism and contemporary natural science, Moscow, 1977. (In Russ.)

- [25] Гурев Г.А. Чарлз Дарвин и атеизм. Л.: Лен. отд. изд-ва «Наука», 1975.
Guriev, G.A. *Charles Darwin and atheism*, Leningrad, 1975. (In Russ.)
- [26] Рябушкин Н.В. Наука против религии. М.: Медицина, 1966.
Ryabushkin, N.V. *Science against Religion*, Moscow, 1966. (In Russ.)
- [27] Светлов П.Я., проф.-прот. Религия и наука. СПб., [1914].
Svetlov, P.Ya., professor-archpriest, *Religion and Science*, St. Petersburg, [1914]. (In Russ.)
- [28] Франк, С.Л. Религия и наука // Религия, философия и наука. Брюссель, 1953. № 1: 1–26.
Frank, S.L. Religion and Science, in *Religion, Philosophy and Science*, Brussels, 1953, no. 1: 1–26.] (In Russ.)
- [29] Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. Т. 1: Истоки религии. М.: Слово, 1991.
Men, A.V. *History of Religion: In Search of the Way, the Truth, and the Life: in 7 vols.*, Vol. 1, Moscow, 1991. (In Russ.)
- [30] Гинзбург В.Л. Вера в Бога несовместима с научным мышлением [Ginzburg, V.L. Faith in God is incompatible with scientific thinking], URL: http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_2.phtml (30.11.2018). (In Russ.)
- [31] Гинзбург В.Л. Наука и религия в современном мире [Ginzburg, V.L. Science and Religion in the modern world], URL: <http://www.humanism.ru/biblioteka/ginzburg-book/438-ginzburg3.html> (30.11.2018) (In Russ.)
- [32] Копейкин, К., прот. Наука и религия на рубеже III тысячелетия [Kopeikin, K., archpriest, Science and Religion at the III Millennium], URL: http://www.religare.ru/2_69301.html (30.11.2018). (In Russ.)
- [33] Касавин И.Т. О возможности нового направления исследований: «Science & Spirituality» // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон +; Реабилитация, 2006: 5–10.
Kasavin, I.T. On the possibility of a new research trend: “Science & Spirituality”, Kasavin, I.T. (ed.) *Science & Religion. An interdisciplinary and cross-cultural approach*, Moscow, 2006: 5–10. (In Russ.)

Об авторе / About author

Герман Евгеньевич Боков — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, g.bokov@spbu.ru

German E. Bokov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, St. Petersburg State University, g.bokov@spbu.ru